

**LE FONCTIONNEMENT DU CONCEPT « NOURRITURE » -
INSTRUMENT D'ANALYSE DE LA MENTALITÉ DE LA SOCIÉTÉ
PROVINCIALE DANS LE ROMAN DE G. FLAUBERT
« MADAME BOVARY »¹**

Abstract: *The article examines functioning of lexical units presenting concept "Meal" as an instrument generating fiction sense and images reflecting the life and morals of French provincial society in the XIX century.*

Keywords: *Cognitive, concept, conceptual representation, meal, unit, Flouer, provincial society, platitude, fiction image, fiction method.*

Настоящая статья представляет попытку описать в русле когнитивной лингвистики, постулирующей связь феноменов мышления и языка, художественную картину французского социума XIX века, представленную в романе Г.Флобера «Госпожа Бовари», в рамках текстового концепта «Еда», как средства эстетической и нравственной оценки персонажей и действительности. Этот роман был неоднозначно принят современниками писателя и до сих пор привлекает внимание исследователей совершенством форм и методов описания.

В. Набоков назвал психологический роман Г.Флобера сказкой: «Из всех сказок данной серии роман Флобера "Госпожа Бовари" - самая романтическая» (Набоков, 1997).

Н.Ф.Ржевская подчеркивает, что «Мадам Бовари» - это исследование современности, ведущееся средствами искусства, притом с помощью методов, близких методам естественных наук (Ржевская, 1991).

Широко известно, что Г.Флобер, блестящий стилист, был всегда в мучительных поисках слова и художественных приемов, способных адекватно передать глубинное содержание духовной и общественной жизни своей эпохи. Исследуя ранее звуковую и цветовую картину романа, мы убедились в оригинальности использования писателем лексических единиц звука и цвета для передачи эмоциональных состояний героини : ее физическое и нравственное угасание влечет адекватно угасание звука, цвета и света к концу романа.

Объектом настоящего исследования являются лексические единицы, вербализующие концепт «Еда». Цель нашего исследования — выявление специфических признаков актуализации концепта «Еда» в соответствии с художественными задачами автора, исследование лексических единиц, репрезентирующих данный концепт в романе, определение их значимости в отражении менталитета французского провинциального общества XIX века и влияния на смысловую динамику текста. Изучение «французской кухни» как таковой, ее классификации в задачи нашего исследования не входили, т.к. имеется достаточно исчерпывающая работа в этой области Т.Ю.Загряскиной (2009).

Образы еды и питья относятся к числу универсальных и вечных в мировой культуре. Их актуализация в творчестве отдельных писателей и поэтов вызывается самыми разнообразными причинами как объективного, так и субъективного

¹ Ludmila Alahverdieva, Université d'Etat du Daghestan, Russie, wrozlav@hotmail.com.

характера. Они могут иметь социальный, этикетный, национальный аспекты (Сохань, 2007).

Вполне понятно, что еда для человека значит гораздо больше, чем средство удовлетворения физиологической потребности организма. Французский антрополог К.Леви-Стросс был одним из пионеров, кто обратился к изучению пищи с позиций, близких к семиотическому анализу (Леви-Стросс, 2006). Исследования Р.Барта в понимание еды как семиотики пробудили значительный интерес к этой теме (Барт, 1994). Изучая понятийные системы различных языков легко заметить, что лексические единицы с особыми культурно-специфичными значениями отражают не только образ жизни, быт, типичный для определенного языкового коллектива, но и образ мышления (Вежбицкая, 1996; Тер-Минасова, 2000).

Методологической основой для нашего исследования послужили фундаментальные труды в области когнитивной лингвистики, теории языка (Дж.Лакофф, Б.А. Серебренников, А.А Кибрик., В.И. Постовалова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Н.Н.Болдырев, Л.С.Гуревич и др.); лингвокультурологии (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик и др.).

По воззрениям З. Д. Поповой и И. А. Стернина, когнитивная лингвистика имеет своим предметом исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих в языке и речи определенные концепты, а также наиболее полное выявление содержания изучаемых концептов как глобальных единиц в их национальном своеобразии (Стернин, 2000; Попова, Стернин, 2001). Исследование различных концептов в художественном тексте представляется интересным и способствует более глубокому изучению творческого процесса писателей, выявлению их индивидуальности. В нашей работе используется определение концепта, под которым понимается не просто совокупность существенных необходимых признаков объекта, а ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических единиц, номинирующих и описывающих данный объект (Симакова, 2011).

В.В.Рожков справедливо замечает, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть; только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи (Рожков, 2007).

Многие исследователи разграничивают терминологически концепт и понятие. Так, Ю. С. Степанов пишет: «В отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов, 2001: 43).

При анализе концепта используются разные методы, но общий принцип исследования заключается в том, что после выбора ключевого слова, наиболее полно отражающего интересующий нас концепт, мы обращаемся к языковому материалу. Ключевое слово должно быть связано с лексемами, представляющими поле концепта, общими семами. После сбора языкового материала проводится анализ его семантики, выявляется содержание концепта, а затем возвращаемся к семантике ключевого слова, дополняя ее новыми данными, собственно моделируем концепт.

Такую методику условно можно назвать «челночной» — от понятия к языковому материалу, затем снова к понятию на новом уровне (Трипольская, 1999).

Итак, концепт имеет сложное строение (ядро, периферию), эмоциональную окраску, содержится в культурной памяти народа. Для когнитивного описания лексической структуры художественного текста, для моделирования индивидуально-авторской картины мира, воплощенной в художественном тексте, существенными являются представления о систематизации лексических единиц на микро- и макроуровнях, связанных не только с их внутривидовыми отношениями, но и способами осмысления действительности, ее художественным конструированием в соответствии с миропониманием и интенцией писателя.

Е. Ю. Ваулина и Г. Н. Скляревская подчеркивают, что окружающий человека мир представлен в лексическом составе языка и что лексика языка представляет собой человеческий опыт постижения природы, складывающихся в обществе отношений, собственной психической и умственной деятельности в обобщенном виде (Ваулина, Скляревская, 1995).

Л.С.Гуревич вводит определение когнитивного пространства, которое представляет собой полиструктурное образование, включающее в себя когнитивные, семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические, психофизиологические конститuenty, которые находятся в непростых, а иногда даже не поддающихся верификации связях и соотношениях (Гуревич, 2008).

В романе Г.Флобера «Госпожа Бовари» когнитивное пространство, которое подлежит анализу, представляет различные формы познавательного отражения действительности, связанные с концептом «Еда», поскольку было замечено намеренное использование писателем образов еды и питья, застолья, которые разбросаны по всему художественному пространству романа (52 контекста). По нашим данным исследователи творчества Г.Флобера не занимались специальным изучением проблемы актуализации концепта «Еда». Однако в работе Т.Ю.Загрязкиной, посвященной описанию Франции в культурологическом аспекте, имеется анализ свадебного застолья Эммы Бовари. В своей статье мы попытаемся осветить этот вопрос и дать развернутую характеристику функционирования этого пласта образности в вышеназванном романе в соответствии с рядом других проблем, связанных с приемом пищи, описать некоторые фрагменты национальной языковой картины мира, связанные с концептом «еда» и рассмотреть основные сюжетные события, в поле которых входят лексические единицы «еда», исследуя пути и механизм образования глубинных смыслов текста.

Во многих фрагментах романа мы находим эпизоды завтрака, обеда, ужина, нередко праздничных угощений по поводу визита, свадьбы, других важных событий в человеческой жизни, что вполне соответствует флоберовскому методу объективного повествования и отвечает принципам художественного освоения мира с позиций реализма. Так, первая встреча Эммы и Шарля происходит на кухне, куда Эмма привела замерзшего доктора после долгой дороги и где готовился завтрак для работников фермы:

... M.Bovary, qu'elle fit entrer dans la cuisine, où flambait un grand feu. Le déjeuner des gens bouillonnait alentour, dans des petits pots de taille inégale. ... le long des murs s'étendait une abondante batterie de cuisine ... (p.46).

Автор описывает повседневное бытие зажиточной фермы, утро которой начинается с приготовления завтрака для работников в горшочках разных размеров, что предполагает разнообразие пищи, интерес к ней и заботу хозяев о своих рабочих.

В этом эпизоде используется лексика, связанная с приготовлением пищи и оборудованием кухни: существительные - *cuisine, feu, pot, batterie de cuisine*, глаголы: *flambait, bouillonnait* формируют ассоциативно-смысловое поле, связанное с ключевым словом-репрезентантом «кухня», как периферийным компонентом концепта «Еда». Этот эпизод, как и нижеследующий, повествует об устройстве провинциальной кухни 19 века, о важной роли еды в жизни французов, а также о гостеприимстве французов. Концептуальный смысл «завтрак» может быть выражен различными языковыми средствами, однако автор выбирает такие средства смысловыражения и такую схему связи лексических единиц «кухня-завтрак», которые лишь косвенно связаны с пищей, но в контексте (т.е. в определенной ситуации) они несут всю совокупность информации об активном начале дня на ферме и ясно выражают заданный автором концептуальный смысл.

Charles descendit dans la salle, au rez-de chaussée. Deux couverts, avec des timbales d'argent, y étaient mis sur une petite table, au pied d'un grand lit à baldaquin revêtu d'une indienne à personnages représentant des Turcs (p.47).

Однако автор не утруждает себя перечислением пищи, он описывает обстановку приема пищи в зале на первом этаже: два прибора с серебряными кубками на маленьком столике у подножья кровати с балдахином, где изображены турки, больше поражают воображение Шарля, чем еда. Эмма составляет компанию Шарлю в качестве хозяйки (отец сломал ногу и не может выполнять свои функции), что придает особый смысл эпизоду: Шарль не просто лекарь, он – гость. Это подтверждается лексикой: *deux couverts, des timbales d'argent, petite table*, которая образует ассоциативно-смысловое поле «прием», соотносящееся на периферии с концептом «Еда» и содержащее глубинный смысл «гость». Происходит концептуальная интеграция (Fauconnier, Turner 2002) и в сознании читателя в данной ситуации складывается следующая схема связи между понятийными областями, которая порождает формулу: *лекарь – это гость*. Подбор лексических единиц позволяет автору установить глубинные связи между ними, определить их семантический потенциал и показать читателю взаимопроникновение языковой и концептуальной картины мира. Автор намеренно реализует концептуальные переносы, являющиеся устоявшимися в европейском социуме и составляющими часть универсальной концептуальной системы. Читатель понимает, что визит Шарля нарушает беспросветную монотонность жизни Эммы на ферме, поэтому так романтичен оказанный прием, имеющий в дальнейшем серьезные последствия для смысловой динамики романа. Этот прием является, по сути, попыткой Эммы вырваться хотя бы на миг из тесно замкнутой среды социального бытия. Таким образом периферийная зона концепта становится значимой для понимания авторского намерения.

Эпизод также затрагивает проблему отношений между мужчиной и женщиной, которые являются более свободными во французском обществе: молодая девушка принимает молодого мужчину в своей спальне и с вином по французской традиции. Г.Флобер хочет быть достоверным благодаря детализации обстановки, запечатлевая моду века на восточные мотивы в убранстве комнат, на экзотизм даже в провинции. Провинциальное общество стремится подражать столичному.

В художественном тексте, рассматриваемом как вторичная моделирующая система, очень часто происходит переосмысление признаков объекта, и в результате создается новый эстетический образ обычного бытового предмета или явления, несущий в себе оценку, предусмотренную автором. А.Ю.Малафеев считает, что

семантическое переосмысление оказывается когнитивным процессом переосмысления не только конкретных лексических единиц, но и всего мировосприятия в целом (Малафеев 2008). С этим трудно не согласиться.

Так, в тексте романа встречается индивидуально-авторское семантическое переосмысление лексической единицы *dinde*, что позволяет выразить концептуальное содержание в образной форме:

... le payement de sa jambe remise : soixante et quinze francs en pièce de quarante sous, et une dinde (p.54).

В качестве оплаты за вылеченную ногу отец Эммы приносит деньги, а в благодарность – индюшку. Этот эпизод отражает, на первый взгляд, привычную и универсальную благодарность сельского жителя любой страны за оказанную услугу сельскохозяйственными продуктами. В данном эпизоде фигурирует существительное индюшка *dinde* в прямом значении как символ богатого подворья и изысканной птицы, которая является во Франции традиционным рождественским блюдом, дающим надежду на лучшее будущее. С синтаксической точки зрения существительное *dinde* является обособленным существительным. Это дает возможность предположить, что Г.Флобер неслучайно придает особый смысловой акцент этому слову. Принцип индивидуального осмысления события базируется на механизме когнитивной доминанты, в задачи которой входит передача наиболее значимой информации наиболее оптимальными средствами. В переносном значении по отношению к женщине существительное *dinde* обозначает «дура», «*дуреха*», т.е. в данном когнитивном пространстве происходит формирование метафорического значения полисемичного слова, получившего фиксацию в словаре. Таким образом, метафоризация происходит по схеме натуроморфной метафоры: человек- животное (птица) на основе определенной концептуальной характеристики «черта характера, поведения». Имплицитные приращения смысла приобретают двойственный характер: с одной стороны Эмма – изысканная молодая особа для этого захолустья, а с другой – дуреха, не умеющая воспользоваться своей красотой, воспитанием, положением. В результате согласования концептуальных характеристик двух исходных ментальных пространств образуется интегрированное ментальное пространство, в котором формируются новые комбинации концептуальных характеристик. Следует заметить, что в данном случае эстетическое осмысление эпизода базируется не только на разуме, но и на отцовских чувствах, здесь переплетаются характеристики субъективного и объективного характера. Можно предположить, что этим подарком отец Эммы как бы хочет взять в свои руки устройство судьбы своей «дочери-дурехи», на его взгляд. Автор вводит в текст этот визит отца Эммы к Шарлю Бовари после смерти его жены преднамеренно, как бы напомнить Шарлю о том, что его не забыли, разделяют его печаль и ждут с одной стороны, а с другой здесь проявляется крестьянский менталитет, крестьянская смекалка отца Эммы, стремящегося «пристроить» свою дочь. Таков типичный представитель французского зажиточного крестьянства: хитрец, делец, отец.

В нижеследующем эпизоде описывается посещение Шарлем фермы Берто и то внимание, которым его окружили, чтобы исцелить от печали. Актуализация ядерной зоны изучаемого концепта становится инструментом понимания смыслового содержания эпизода.

... à son intention quelque chose d'un peu plus léger que tout le reste, tels que des petits pots de crème ou des poires cuites.... Charles se surprit de rire; mais le souvenir de sa femme, lui revenait tout à coup, l'assombrit. On apporta le café; il n'y pensa plus (p.55).

Шарль – чувствительный человек, умеющий грустить, сопереживать, любить в рамках собственного понимания проблемы. На ферме его утешают как ребенка, угощая легкими блюдами французской кухни как *des petits pots de crème, poires cuites, le café*, которые популярны во французской кулинарии. И он начинает смеяться, однако время от времени его омрачают мысли о смерти жены. Прием контраста (*rire – assombrir*), используемый в этом эпизоде, подчеркивает детскую наивность Шарля, быструю смену настроения. Но вот принесли кофе и он уже больше об этом не думает (о смерти жены). Почему? Обычно кофе заключает французский ритуал приема гостей, обозначая конец визита. Очевидно, Шарль начинает осознавать, что жизнь продолжается и он думает уже об Эмме, о новых встречах с ней. Таким образом с помощью названия блюд, входящих в ключевой концепт «Еда», Г.Флобер создает картину трогательной заботы о Шарле в семье Эммы, не забывая при этом народную мудрость: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок». Однако насмешка писателя явно пробивается сквозь все гастрономические улады. Переосмысливая языковые структуры, автор организует репрезентацию знания особым образом и предлагает читателю модифицированную реальность, при этом концептуальный смысл становится более глубоким.

Эмма, еще недавняя воспитанница монастыря, умеет использовать деревенские традиции гостеприимства, принимая Шарля в своем доме, поскольку считает его подходящей партией для замужества. Она мечтает о своей доле счастья в этой жизни. Г.Флобер использует лексические единицы «Еда» для передачи тончайших нюансов местных нравов и поведения Эммы.

Selon la mode de la campagne, elle lui proposa de boire quelque chose. Il refusa, elle insista, et enfin lui offrit, en riant, de prendre un verre de liqueur avec elle. Elle alla donc chercher dans l'armoire une bouteille de curaçao, atteignit deux petits verres, emplit l'un jusqu'au bord, versa à peine dans l'autre et, après avoir trinqué, le porta à sa bouche (p.56).

Неожиданный визит Шарля в дневное время, когда все работают в поле, не заставил Эмму растеряться. Она поступает традиционно, по-деревенски, (также бы поступил ее отец, если бы он находился дома), но вероятнее всего, она это прочла в романах, предлагая Шарлю выпить стаканчик. Г.Флобер дает подробное описание этой сцены с помощью лексики, входящей как в ядерную, так и периферийную зону концептосферы «Питье»: глаголов *boire, verser, emplit, trinquer*, существительных *une liqueur, une bouteille de curaçao, deux petits verres*. В эпизоде используется много глаголов, которые подробно описывают действия Эммы. Анализ данных показывает, что актуализацию изучаемого концепта можно рассматривать сквозь воплощение определенных ценностных констант культурной системы конкретного исторического периода и пространства как высших ориентиров поведения, которые возникают не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека (Ломинина, 2003).

В процессе изучения эпизода создается впечатление, что писатель любит свою героиню. Она – естественна, деловита и скромна. В ее поведении не наблюдается никакой пошлости. Автор утверждает, таким образом, право на социальное равенство мужчины и женщины, но при этом соблюдается определенный этикет поведения. Писатель стремится всеми способами «обнаружить в этой тоскливой действительности тайны души и оттенки нравов» (Ржевская, 1991).

Характеризуя отца Эммы, как трудолюбивого и зажиточного нормандского фермера, жизнь которого полна крестьянских профессиональных трудностей, автор вводит эпизод, связанный с исследуемой концептосферой и который служит ключом

к пониманию его жизненных позиций, которые антипатичны автору. Актуализация концепта «Еда» становится инструментом для создания художественных образов и смыслов романа.

... et n'épargnait point la dépense pour tout ce qui regardait sa vie, voulant être bien nourri, bien chauffé, bien couché. Il aimait le gros cidre, les gigots saignants, les glorias longuement battus. Il prenait ses repas dans la cuisine, seul, en face du feu, sur une petite table qu'on lui apportait toute servie comme au théâtre (p.59).

Он не хочет и не будет себя ущемлять ни в чем. Его кулинарные пристрастия (*le gros cidre, les gigots saignants, les glorias longuement battus*), передаваемые с помощью названий блюд сытной и простой пищи, характерной для крестьянского быта, воплощают «кулинарный код» национальной культуры, который можно рассматривать как средство национальной идентификации, и отвечают его положению зажиточного фермера, не обделенного здоровьем. Обстановка, в которой осуществляется прием пищи, похожа больше на театральный спектакль. Это доказывает используемое автором сравнение (*servie comme au théâtre*). Подчеркивается некоторый плебейский романтизм, свойственный его душе. В целом описание свидетельствует о глубоко крестьянской, эгоистичной натуре отца Эммы, который привык к свободному, уединенному и одинокому существованию и которое его совсем не тяготит. Любит ли он свою единственную дочь? Ответить однозначно трудно, поскольку он подходит к этому вопросу с крестьянских позиций ее полезности в фермерском хозяйстве:

Le père Rouault n'eût pas été fâché qu'on le débarassât de sa fille qui ne lui servait guère dans sa maison (p.58).

Будучи писателем-реалистом, Г.Флобер создает яркие реалистичные картины прозы жизни французского крестьянства, подчеркивая их индивидуализм, меркантилизм, ограниченность, архаичность и тоскливую серость. Г.Флобер акцентирует внимание читателя на эгоцентризме отца Эммы (*être bien nourri, bien chauffé, bien couché*), для которого главное – это удовлетворение собственных желаний, а Эмма рассматривается лишь как дополнительная обуза для его фермерского хозяйства (*ne lui servait guère dans sa maison*).

Нередко инструментом такого описания являются лексические единицы, репрезентирующие концепт «Еда» в романе, в актуализации которого просматривается глубинное авторское намерение. Текстовые изыскания в рамках когнитивизма заключаются в необходимости подняться от уровня языка в область мышления. С этой точки зрения важным представляется эпизод сложного построения, занимающий несколько страниц (pp.61–67) и повествующий о свадьбе Эммы и Шарля с типичной картиной ярмарочного сельского праздника (где застолье имеет первостепенное значение), который нашел достойное описание в работе Т.Ю. Загрязкиной (Загрязкина, 2007). Коллективная трапеза является одним из важнейших факторов социального сплочения и его символом. Свадебный обед — это важный ритуал почти для всех известных культур. Ценности этого ритуала заключаются в культе семьи и брачных отношений. Именно в ценностной ориентированности заключаются истинный смысл застольного ритуала и его принципиальное отличие от повседневного приема пищи. Так, во время совместной трапезы высокой символическостью отличаются еда и питье и т.д. Как показывают наши исследования данного эпизода, лексические единицы, используемые Г.Флобером для описания трапезы, служат для манифестации и одновременно критики культурных ценностей провинциального французского социума.

C'était sous le hangar de la charretterie que la table était dressée. Il y avait dessus quatre aloyaux, six fricassées de poulets, du veau à la casserole, trois gigots et, au milieu, un joli cochon de lait rôti, flanqué de quatre andouilles à l'oseille. Aux angles, se dressait l'eau-de-vie, dans des carafes. Le cidre doux en bouteilles poussait sa mousse épaisse autour des bouchons et tous les verres, d'avance, avaient été remplis de vin jusqu'au bord. De grands plats de crème jaune, qui flottaient d'eux-mêmes au moindre choc de la table présentaient, dessinés sur leur surface unie, les chiffres des nouveaux époux en arabesque de nonpareille (p. 64).

Г.Флобер детально, с крестьянской расчетливостью, описывает свадебные явства: мясное, спиртное и сладкое с их местоположением на столе, что служит свидетельством не только их обилия и качества, но и хозяйского вкуса, толстого кошелька и гордости. Свадьба Эммы – это настоящий праздник «желудка» в духе Ф.Рабле, что подтверждается замечанием писателя:

Jusqu'au soir, on mangea. Quand on était trop fatigué d'être trop assis, on allait se promener dans les cours ou jouer une partie de bouchon dans la grange, puis on revenait à table (p. 65).

Особого внимания заслуживает описание свадебного торта, который привлек внимание всех гостей и вызвал громогласное восхищение (*qui fit pousser des cris*). Читателя поражает детальное описание сложной формы торта с использованием терминологической лексики архитектуры, религиозного культа, которая обычно не замечается мужчинами, однако Г.Флоберу удалось кинематографически точно запечатлеть как структуру, так и гастрономический состав этого кулинарного шедевра. Именно этот торт является отличительным признаком свадебного застолья от любого другого. Он должен выступать залогом счастливой жизни молодых супругов, но здесь его превратили в мещанскую пошлость, безвкусицу, олицетворение ничтожных человеческих вожделений.

On avait été chercher un pâtissier à Yvetot pour les tourtes et les nougats. Comme il débutait dans le pays, il avait soigné les choses; et il apporta, lui-même, au dessert, une pièce montée qui fit pousser des cris. A la base, d'abord, c'était un carré de carton bleu figurant un temple avec portiques, colonnades et statuettes de stuc tout autour, dans des niches constellées d'étoiles en papier doré; puis se tenait au second étage un donjon en gâteau de Savoie, entouré de menues fortifications en angélique, amandes, raisins secs, quartiers d'orange; et enfin, sur la plate-forme supérieure, qui était une prairie verte où il y avait des rochers avec des lacs de confiture et des bateaux en écales de noisettes, on voyait un petit Amour, se balançant à une escarpolette de chocolat, dont les deux poteaux étaient terminés par deux boutons de rose naturelle, en guise de boules, au sommet (p.65).

Сентиментальная провинциалка Эмма мечтала не о такой свадьбе, а о ночном романтическом венчании при факелах, но отец (и не только отец!) не мог понять ее идеи, ее стремления выйти за рамки обыденного, поэтому все превратилось в традиционную пошлость:

Il y eut donc une noce, où vinrent quarant-trois personnes, où l'on resta seize heures à table, qui recommença le lendemain et quelque peu jours suivants (p.61).

Национально-культурная коннотация является существенной при анализе концепта. Ее содержание представляет собой соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым владеют представители определенной лингвокультурной общности. Владение культурным кодом - ключ к адекватной интерпретации культурно-значимой информации, заключенной в концепте. В качестве такого кода и может быть назван концепт (Комлев, 1966), в нашем случае концепт «еда».

В результате нашего исследования нельзя не согласиться с точкой зрения П.Гамарра на роман «Госпожа Бовари», который считал, что Г.Флобер провел, серьезно и талантливо, глубокий анализ женского сердца и погони за счастьем в

богатом реальном контексте (Гамарра, 1985: 28). Заметим, что сам Г. Флобер остается невидим и неслышим на протяжении всего романа, но его насмешкой, скепсисом пронизано все произведение. Роман «Госпожа Бовари» - это олицетворение всеобщего измелчания и опошления, недаром из его чрева родился термин «боваризм».

Итак, изучение актуализации концепта «Еда» в романе «Госпожа Бовари» через когнитивные пространства писателя и читателя позволило сделать следующие выводы:

- концепт «Еда», являясь универсальным элементом структуры мира, представляется сложным образованием, в котором реализуются культурные, национальные, социальные, лингвистические и другие ценности, и который способен отражать особенности менталитета французской провинции;
- провинциальное французское общество, описанное сквозь призму актуализации концепта «Еда», характеризуется Г. Флобером негативно и воспринимается читателем как безграничная тупость, пошлость, бездуховность, меркантильность, безликость, ведущая к индивидуальным жизненным трагедиям и деградации общества в целом (в романе не представлены положительные герои);
- лексическая единица, вербализующая концепт «Еда», будучи языковым знаком, становится проводником в концептуальный мир, инструментом осмысления когнитивных процессов;
- индивидуально-авторское переосмысление лексических единиц, вербализующих концепт «Еда», рассматривается как когнитивный процесс, позволяющий в движении от лексической единицы к отражению объективной реальности открывать неизученные до сих пор смыслы и механизм их порождения ;
- концептуальные характеристики могут передаваться посредством глубинных связей ядерной лексики изучаемого концепта с контекстом, в котором она функционирует, эксплицируя скрытый, имплицитный смысл благодаря операции контекстуальной интеграции;
- гастрономические вкрапления в текст образуют определенный смысловой рисунок фрагмента текста, который можно представить схематически, и несут определенную социо-культурную информацию;
- концепт «Еда» образует особый пласт в художественном произведении и его функционирование в пространстве романа можно рассматривать как способ образной материализации художественной концепции автора;
- исследование специфики функционирования концепта «Еда» представляется полезным вкладом в изучение писательского наследия и динамики средств языковой выразительности;
- анализ лексических единиц концепта «Еда» на уровне 52 контекстов романа показал их значимость и эффективность в раскрытии авторского замысла и создании определенной тональности текста, а также их роль в интеграции содержательно-тематического, композиционного и стилистического единства романа;
- портретирование действительности, социальный анализ с помощью разного рода гастрономических меток как инструмента художественного исследования действительности являются новаторской стороной творческого процесса Г. Флобера.

Библиографический список

- Fauconnier, G., Turner, V., 2002, *Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, N.Y.;
Flaubert, G., 1974, *Madame Bovary*, Moscow;

- Барт, Р., 1994, *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*, Москва;
- Ваулина, Е.Ю., Скляревская, Г.Н., 1995, «Картина мира в языковой метафоре», *Scando-slavika*, Tomus 41;
- Вежбицкая, А., 1996, *Язык. Культура. Познание*, Москва;
- Гамарра, П., 1985, *Читая и перечитывая*, Москва;
- Гуревич, Л.С., 2008, «Метакоммуникативные предикаты через призму когнитивного пространства коммуниканта», *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 2, Тамбов;
- Загряжина, Т.Ю., 2007, *Франция в культурологическом аспекте*, Москва;
- Загряжина, Т.Ю., 2009, «Повседневная культура и национальные ценности», *Библиотечное дело*, №5, Москва;
- Комлев, Н.Г., 1966, «О культурном компоненте лексического значения слова», *Вестник МГУ*, сер.: *Филология*, №4, Москва
- Леви-Стросс, К., 2006, *Мифология: сырое и приготовленное*, Москва;
- Ломинина, З.И., 2003, «Эмотивный концепт как основа толкования фрагментов различных знаний», *Язык. Этнос. Сознание*, Т 1, Майкоп;
- Малафеев, А.Ю., 2008, «Индивидуально-авторское семантическое переосмысление лексических единиц как когнитивный процесс», *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 2, Тамбов;
- Набоков, В., 1997, «Гюстав Флобер: «Госпожа Бовари», *Иностранная литература*, № 11. Москва;
- Попова, З.Д., Стернин, И.А., 2001, *Очерки по когнитивной лингвистики*, Москва;
- Ржевская, Н.Ф., 1991, «Гюстав Флобер», *История всемирной литературы*, Т 7, Москва;
- Рожков, В.В., 2007, *Метафорическая картина мира А. и Б. Стругацких* (на материале романа «Трудно быть богом», АКД, Новосибирск;
- Симакова, А.В., 2011, *Особенности функционирования языковых реалий с семантикой «пища»* (на материале произведений Ч.Диккенса), АКД, Ставрополь;
- Сохань, И.В., 2007, «Архитектоника повседневности: пища», *Культурология*, Москва;
- Степанов, Ю.С., 2001, «Семиотика концептов», *Семиотика. Антология*, Москва;
- Стернин, И.А., 2000, «Может ли лингвист моделировать структуру концепта?», *Когнитивная семантика.*, Ч.2, Тамбов;
- Тер-Минасова, С.Г., 2000, *Язык и межкультурная коммуникация*, Москва
- Трипольская, Т.А., 1999, *Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты*, Новосибирск.